

© 1990 г.

ПОДОЛЬСКАЯ Н.В.

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Ономастическое словообразование следует рассматривать как частную систему ономастической грамматики, наряду и в связи с морфологией имен собственных (ИС) и их синтаксисом. Тем самым в исследовании ономастической грамматики словообразование должно составить особый раздел. Поэтому необходимо хотя бы в самых общих чертах представить ономастическую грамматику и целесообразность ее создания как исследования специфики грамматических способов оформления и изменения ИС в отличие от апеллятивной лексики.

Термин «грамматика топониматики» появился в русской научной литературе в 1962 г. в известной статье В. Н. Топорова, где, в частности, сказано: «Косвенным свидетельством того, что совокупности местных и личных названий имеют тенденцию к осуществлению некоторой программы, определяемой системой, может служить хорошо известное обстоятельство выработки самостоятельной грамматики топониматических элементов, хотя бы отчасти независимой от грамматики данного языка, или по крайней мере отбора вполне определенных категорий и форм из нетопониматической грамматики» [1] (разрядка наша.— П. Н.).

Прошло более 25 лет со времени, когда В. Н. Топоровым была высказана эта мысль, однако ономастическая грамматика не создана ни для одного из славянских языков. Задача в настоящее время заключается именно в том, чтобы выявить грамматические элементы, категории, процессы, независимые от грамматики данного языка, присущие только ономастической лексике. Специалистами написаны многие частные исследования, в которых анализируются различные вопросы, имеющие отношение к грамматике топониматики, на материале разных славянских языков, и в том числе — восточнославянских (см. основные работы по восточнославянскому ономастическому словообразованию за 1960—1980-е годы [2—62]). Эти работы, однако, должны быть объединены и осмыслены как части целого, а некоторые грамматические категории, вероятно, потребуют специального дополнительного исследования при создании ономастической грамматики.

Если говорить о грамматических способах ономастического словообразования или процессах, происходящих при образовании имен в восточнославянской ономастике, то это — аффиксация, к ней примыкают плюрализация и сингуляризация (где изменение флексии равноценно суффиксации), а также сложение, соположение, повторы и редупликации, изменение ударения, образование ИС-словосочетаний, эллипсис синтаксических конструкций, превращение словосочетаний в однословное ИС, усеменение, аббревиация. Каждый из этих процессов в ономастике может протекать самостоятельно или в сочетании с другими. Все эти способы ономастического словообразования актуаль-

ны в каждом из восточнославянских языков, а в соответствующих исследованиях используются одни и те же понятия, что благоприятно для сопоставительного изучения.

Иные понятия словообразования в ономастике также сходны в этих языках, но некоторые из них отличаются от понятий словообразования имен нарицательных (ИН). Такие понятия, как словообразовательный тип, продуктивность, мотивация, словообразовательная основа и формант, суффикс, основосложение, идентичны для ИС и ИН [63, с. 35]. Представляют различия словообразовательная категория и значение, практически не реализуется частеречный принцип, так как ИС всегда субстантив. Часть речи мотивирующего апеллиатива важна, но не в той степени, как в ИН. При словообразовательном анализе ИС важно знать, что является его стержнем: именная или глагольная части. Субстантивация глагольных форм в ИС превращает глагол в склоняемый субстантив (см. об этом ниже). Для ИС актуальна и «общая семантическая или вещественная категория, фиксирующая тематическую отнесенность вновь образованного слова, его грамматическую, стилистическую и другую характеристику» [63, с. 38], но эта семантическая или вещественная категория у ИС иная, чем у ИН.

Казалось бы, состав грамматики ономастики, ее частные системы, ее способы образования имен ничем не отличаются от общей грамматики данного языка/языков. Однако ИС (онимы), которые строятся из тех же «кирипичиков», что и слова нарицательной лексики, структурно могут представлять совсем иные «здания», невозможные в нарицательной лексике, ср. такие примеры, как: топонимы *Дубское, Поддубин, Перемышль, Перебегля, Покидино, Проважа, Прогора, Рассоховец, Сутиска, Сможанка, Супрасль, Зборск, Межитдки, Подсоска*; антропонимы *Збоица, Прибычесь, Белова*; зоонимы *Града, Сластён*.

Создание ономастической грамматики перспективно как для русского языка, так и для каждого из восточнославянских языков и, возможно, для всех трех языков этой ветви вместе. В связи с этим, вероятно, пришло время определить главные проблемы ономастического словообразования, его специфику, степень его независимости/зависимости от словообразования ИН. Эти проблемы в их совокупности и системности не привлекали в должной мере внимания исследователей. Сейчас поставлен вопрос о сопоставительном изучении словообразования славянских языков [64]. Он также актуален для ономообразования.

Обращаясь специально к ономастическому словообразованию, важно знать, нашло ли оно свое место в грамматике русского языка и как оно в ней представлено. Русская грамматика 1980 г. (далее — Гр.-80) [65] в разделе «Словообразование» в ряде параграфов дает ономастический материал, это — большей частью топонимы, однако это те ИС, которые «внешне» укладываются в рамки словообразования нарицательной лексики. Они созданы по моделям, аналогичным ИН, но при этом представляют в словообразовательном и семантическом отношении специфически ономастические единицы¹. Несколько примеров из Гр.-80 [65] — существительные с преф. *пред-*: *предыстория, предплюсна, предромантизм* и др. ИН, а также топоним *Предальни*; впрочем, подача этого имени географического (ИГ) *pluralia tantum* в категории существительных ед. ч. некорректна [65, с. 229]; существительные с преф. за- и суф. *-je*: *заплечье, замостье, запечье* и др. ИН, а также ИС *Заволжье, Зауралье, Забайкалье* [65, с. 232]; нарицательные существительные, образованные путем сложе-

¹ О «словообразовательной неповторимости» ИС см. [42, с. 12–13].

ния с глаголом в препозиции: *перекапи-поле, горицвет, гуляй-город*, а также ИС нас. пункта *Гуляй-поле*, фамилии *Неразлеивода, Разбейлоб* [65, с. 243]. Некоторые типы словообразования признаются как собственные топонимические, например [65, § 464]: *Балтийск, Медногорск* и др.; *Заполярье, Приполярье* [65, § 533]. Из приведенных в Гр.-80 префиксальных, суффиксальных, конфиксальных, композитных и др. моделей нарицательной лексики не каждая имеет параллельные примеры, в которых мотивирующим служит топоним или иное ИС. Так, в ряде конфиксальных моделей с префиксом *по-* топонимический материал дан только с суф. *-/, а с суф. -к(а), -ок, -ин(а), -овщин(а)* таких имен нет, хотя они многочисленны в русской топонимии. Это наблюдение отнюдь не является упреком авторам соответствующего раздела грамматики, а лишь показывает, насколько ономастический материал не представлялся ценным и интересным для общих грамматических проблем.

Мы рассматриваем онимическую лексику как неотъемлемую часть, как подсистему лексики любого естественного языка. Основная масса ИС по своему происхождению принадлежит к естественному языку и лишь некоторая их часть — результат искусственного создания. Такие искусственно созданные имена имеются в любой категории онимов (более всего в астрономии, хрестоматии, зоонимии, где они могут даже создавать свои системы). В них онимообразование идет часто по своим особым моделям, что не является предметом анализа в данной статье.

Однако словообразование (и семантика) искусственно созданных ИС вызывает сейчас особый интерес и озабоченность не только у специалистов. Создание искусственных ИС для именования человека, для вновь открытых или произведенных человеком объектов, а также при переименованиях требует ответственного внимания лингвистов, дабы в русской языковой практике не возникали «монстры», подобные личным именам *Лагимиеара* (аббревиатура «Лагерь Шмидта в Арктике»), *Магнита, Энергий, Асиг, Аврор, Донателла, Орджоника* и т. п., или такие топонимы, как нас. пункт *Коммунальная*, пос. *Завгты Ильича*, нас. пункт *Воздь Пролетариата*, ул. *Веселая*, ул. *Мопра*, ул. *26 Бакинских комиссаров*. Одни из них нехороши своей искаженной структурой, изменением рода при живых связях со словами и именами, их породившими: *магнит* и женское имя личное (ИЛ) *Магнита*, богиня *Аврора* и мужское ИЛ *Аврор, Орджоникидзе* и ИЛ нежной девушки *Орджоника* (как бы оно ни рифмовалось с *Вероникой*); другие — своими недобрыми ассоциациями с коммунальной квартирой; с учреждением, которое было уничтожено; третьи — неудобством при функционировании; четвертые тем, что вызывают вопрос: почему именно этот поселок создан по заветам Ильича?

Когда мы говорим об ономастической системе, особенно топонимической, то имеем в виду систему локализованную, территориально приуроченную, не касаясь вопроса о языке, так как любая ономастическая система включает разноязычные имена и весьма часто имеет субстрат. Когда же мы говорим об ономастическом словообразовании, то с необходимостью исходим прежде всего не из территориальной, а из языковой принадлежности, учитывая при этом, что локальные, диалектные особенности в онимообразовании, безусловно, существуют. В каждый исторический период на данной территории преобладающим бывает, как правило, один язык (или один диалект), реже два — конкурирующих. Ономастическое словообразование есть подсистема в системе словообразования преобладающего языка диалекта.

В ономастике имена редко переводятся; заимствованные имена, как

правило, адаптируются, и не только фонетической, но и словообразовательной системой языка или диалекта, в которую они проникают. Словообразовательная ономастическая система «подгоняет» чужие имена под определенные модели, и они начинают со временем склоняться по образцу склонения ИС соответствующей модели.

В славянских языках возникновение собственных имен происходило и происходит благодаря трем основным процессам: онимизации апеллатива, трансонимизации ИС (т. е. переходу ИС из одного онимического поля в другое) и заимствованию иноязычных имен (сюда относится прямое заимствование, калькирование и гибридизация, в результате которой возникает ИС-гибрид, состоящее из элементов двух и более языков).

В настоящей статье мы рассматриваем только онимизацию и трансонимизацию. Во всех славянских языках как онимизация апеллатива, так и трансонимизация могут быть разделены на грамматическую и семантическую. Такое разграничение нуждается в оговорке в связи с тем, что всякая онимизация апеллатива уже заключает в себе изменение его семантики, которое связано с изменением статуса ИН на статус ИС, с переходом в другую систему. Таким образом, грамматическая онимизация сопровождается семасиологическим процессом.

Но если подходить к процессу онимизации с точки зрения изменения/неизменения самой структуры апеллатива, формальных его показателей, то это позволяет провести разграничение грамматической и семантической онимизации, определив первую как такой процесс, когда на базе апеллатива или апеллативной основы образуется ИС с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств, а вторую — как процесс, происходящий без формальных (материальных) изменений структуры апеллатива. ИН в обоих случаях остается в своей лексической системе, а на его базе возникает новое ИС, которое встает в свой ономастический ряд и подвергается изменениям по собственно ономастическим правилам. Если онимизации подвергается производное ИН, то в ИС происходит переосмысление его словообразовательных средств.

Семантическая онимизация, по нашему мнению, не относится к категории словообразовательных процессов, хотя и существует понятие семантического словообразования. Это лексико-семантический способ образования ИС, так же, как и в нарицательной лексике. Семантическое ономообразование — достаточно часто происходящий в славянских языках процесс. ИС, возникающее в результате его действия, может в дальнейшем подвергаться развитию, изменению, а может остаться омонимичным ИН, из которого оно образовалось. Это касается как однословных имен, так и имен-словосочетаний. Семантическая онимизация может быть простой, метафорической и метонимической. Мы лишь кратко охарактеризуем эти три вида семантической онимизации не потому, что считаем ее мало значимой для ономастики, а потому, что не относим ее к ономастическому словообразованию.

Простой семантической онимизацией апеллатива можно назвать те случаи, когда ИС, возникшее из ИН без деривации, отражает природные свойства именуемого объекта в момент номинации и сохраняет семантику апеллатива лишь до известной степени, например, исторические антропонимы *Глухой*, *Бритой*, *Губан*, *Крикун*. При современном образовании антропонимов простая семантическая онимизация встречается в прозвищах: *Жирный*, *Разиня*; в псевдонимах: *Крестьянин* (поэт из народа). В топонимии: урочище *Верх*, р. *Черная*, р. *Ржава*, долина *Глубокий яр*.

Метафорическая онимизация происходит на основе действительного или кажущегося сходства именуемого объекта или субъекта с другим объектом: гора *Венец*, скала *Кобыльи Ребра*; созвездия *Дева*, *Рыба*, астеризм *Гусь*; прозвища людей: *Доска*, *Утюг*; кличка кошки *Горностай*.

Метонимическая онимизация — это процесс перенесения имени с одного объекта на другой на основании смысловой ассоциации по смежности, например, озера и реки, названные по растительности на их берегах: р. *Березовая*, оз. *Мох*, р. *Роцца*, р. *Калина*, р. *Суходрёв*.

Одним из постоянных действующих процессов, сопровождающих семантическую онимизацию, является субстантивация. Субстантивацию называют также несобственной деривацией, конверсией. «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только парадигма слова» [66]. При переводе ИН из одной части речи в другую в момент образования ИС также соответствует меняется парадигма склонения (а у имен с глагольной основой она появляется), но одновременное этим происходит и то основное изменение, которое и называется онимизацией, т. е. слово становится не только субстантивом, но и именем собственным. И это главное отличие от субстантивации (конверсии) в ИН.

Поскольку ИС могут образовываться из слов любых частей речи, и в том числе — глаголов, то субстантивируются и глагольные формы, ср., например, ст.-русск. антропони́мы *Полѣжай*, *Погадай*, *Полетай*, *Постой*, *Потеряй*. Некоторые имена от глагольных основ образовывались по готовой модели на *-ай*: *Полежай* (вм. *Полежи*) или по модели на *-ей*: *Поглядѣй* (вм. *Погляди*). Эти модели могли поддерживаться и антропонимными финалями *-ай*, *-ей*, ср.: *Минай*, *Фадей*. Из таких имен позднее, через патронимы, образовались такие фамилии, как *Полежаев*, *Полетаев* и др. Известны и зоонимы от глагольных основ в форме императива: *Ругай*, *Угадай*, команда *Стоп* (клички собак). Эти девербативы начинают склоняться как существительные: у *Полезая*, к *Угадаю* и т. п. Интересны наблюдения Ю. С. Азарх [3] над социальной принадлежностью ст.-русск. антропонимов на *-ай*, которые были характерны для холопов, крестьян, ремесленников, служилых людей. Субстантивация глагольных форм (кроме причастий) в нарицательной лексике отсутствует.

В результате семантической онимизации возникают ИС, омонимичные ИН. Наличие в ономастической системе имен, омонимичных апеллятивам, требует отрицания собственно ономастического словообразования от апеллятивного, так как онимизации подвергаются не только имена простой структуры, но и имена деривативного образования, например, *бородка* —> антропоним *Бородка*, *овражек* —> топоним *Вражек* (здесь деривация прошла на апеллятивной стадии). Но в ряде случаев — это вопрос спорный: например, как следует рассматривать словообразование в гидронимах *Свитка*, *Сьединка*, *Смерка* или в антропонимах *Срыка*, *Слиток* — как апеллятивное или как проприальное? Таких случаев в восточнославянской онимии значительное число. Некоторые спорные случаи могут быть разрешены при выяснении словообразовательной мотивации.

Однако в онимической лексике преобладает множественность словообразовательных мотиваций. Это касается даже тех ИС, где, казалось бы, имеется ясная внутренняя форма, например, д. *Неверовка*: 1) от фамилии или прозвания *Неверов* + топонимообразующий формант *-к(а)*; 2) от именования жителей деревни, которых могли считать неверующими; топоним образован по модели на *-к(а)* или *-овк(а)*; 3) от названия р. *Невер*. Трудно предложить еще вариант мотивации, но тем не менее каждая из предло-

женных — гипотетична. Мотивация словообразования такого рода онимов может быть определенной только при наличии документального подтверждения, например, связи названия деревни с фамилией *Неверов* как фамилией ее владельца или того, что деревня *Неверовка* стоит на р. *Невер* (название не славянского происхождения).

К ономатическому словообразованию относится только часть процессов грамматической онимизации. Терминологически мы разграничиваем названия этих процессов и их результаты: суффиксация и суффиксальное ИС; конфиксация и конфиксальное ИС; префиксация и префиксальное ИС; плюрализация и ИС-pluralia tantum; сложение и ИС-композиция; соположение и ИС-юкстапозита; аббревиация и аббревируемое ИС; усечение и усеченное ИС; эллипсирование и имя-эллипсис. Эти процессы перечислены в порядке, соответствующем частотности их действия в настоящий период в восточнославянской ономастике, хотя следует учитывать, что в различных категориях ИС в различные хронологические периоды интенсивность этих процессов могла меняться. Более того, если подходить к словообразованию с точки зрения эволюции его средств, то последовательность рассмотрения основных процессов словообразования должна быть иной: соположение — сложение — аффиксация. Соположению предшествует семантическая онимизация апеллиатива, которая эволюционно может считаться самым ранним и простейшим способом образования ИС из ИН. Соположение является первым звеном в цепи грамматической онимизации, это звено — переходное от семантической онимизации к грамматической, так как в именах-юкстапозитах мы наблюдаем первые мелкие формальные изменения апеллиативного словосочетания.

Рассмотрим теперь специфику каждого из процессов ономастического словообразования (онимообразования), предпослав этому следующее замечание. Считается, что строго проводимый словообразовательный анализ не должен подменяться морфологическим, однако для того, чтобы результаты словообразовательного анализа в восточнославянской ономастике были верны, ему должен предшествовать или сопутствовать морфологический анализ. Установление подлинно мотивирующей основы возможно факультативно, когда имеется внелингвистическая информация, в том числе контекст карты. Конечно, на основании аналогий процент установления мотивации повышается. В антропонимии, особенно исторической, он более высок по сравнению с топонимией. В этом отношении положение в западнославянской ономастике несколько иное, чем в восточнославянской, не только потому, что в Чехословакии и Польше широко проведен сбор полевого топонимического материала, но и вследствие того, что во многих сельских местностях, особенно в Чехословакии и частично в Польше, систематически велись записи истории поселений.

Аффиксация в онимообразовании — способ, в результате которого возникают имена, наиболее трудные для словообразовательного анализа, так как во многих случаях исследователю не ясна производящая основа (в отличие от ИН). Поэтому к суффиксальным, префиксальным и конфиксальным именам приходится применять первоначально морфологический анализ и лишь после него — словообразовательный. Так, например, на основании морфологического членения к конфиксальной модели с преф. *под-* и суф. *-ок* могут быть отнесены топонимы: *Поддубок*, *Подлесок*, *Подмоток*, *Подносок*, *Подборок*. При словообразовательном анализе тех же топонимов устанавливается, что топоним *Подлесок* образован на апеллиативной стадии и подвергся лишь семантической онимизации, став омонимом ИН *подлесок* «мелкий лес по краю крупного». Остальные топонимы

могут быть рассмотрены различно: или как сращения предлога с именем — *Под дубок, Под мошок, Под борок, Под носок* (аккузатив вместо локатива!), где предлог *под* преобразован в преф. *под-*, и в этом случае они могут считаться префиксальными образованиями; или, почти с равным основанием, их можно считать образованными с помощью префикса и суффикса. Так, географический термин «нос», который служит производящей основой топонима *Подносок*, не может на апеллятивной стадии иметь суф. *-ок*: форма *Носок* появляется только в топонимах [67]. Другие имена имеют параллели в модели женского рода, где их конфиксальное образование несомненно, ср.: *Под-дуб-ка, Под-бор-ка, Под-жаб-ка*, что дает основание считать как суф. *-к(а)*, так и суф. *-ок* топонимобразующими. Но возможно также, что обе группы топонимов образованы по типовым моделям, имеющимся в языке.

Из трех видов аффиксации: суффиксации, префиксации и конфикации — в восточнославянской ономастике суффиксацию следует признать наиболее продуктивным способом образования, а суффиксальные модели — наиболее частотными.

Плюрализация — это живой продуктивный способ словообразования ИС, известный во многих европейских языках, его называют также флективной деривацией, так как флексия мн. числа служит здесь аффиксальной морфемой. Имена *pluralia tantum* имеются почти во всех категориях ИС. С. М. Толстая определяет плюрализацию как лексикализацию словоформы. Им. мн. (в случае фамилий на *-ых*: *Черных, Крученых* лексикализуется форма Род. мн.) [51]. В этой же работе приведены интересные примеры народных названий праздников (геортонимов) в плюральной форме: *Коляды, Радовцы, Хресты, Водохрища* и др.

В антропонимии имена *pluralia tantum* редки и относятся главным образом к прозвищным именованиям, ср.: *Игнат Великие Лапти* (1495), *Семен Давидович Данилов Короткие Ноги* (XV в.). В прошлом имя княжеской линии *Изяславичи, Ольговичи* и имя рода *Годуновы, Карамзины* имели форму *pluralia tantum*. Наиболее продуктивен этот способ словообразования в топонимах украинских, белорусских, несколько менее частотен в русских; разнообразны и модели, по которым образуются топонимы, ср.: *Вязы, Подвязы, Гаравья, Вербь, Глухи, Кадницы, Княжичи, Машкй-Балбты, Мертвые Воды, Долины за Ужином*. Часто такие топонимы возникают в результате процесса расподобления ИН в ед. числе и ИС, созданного на его основе. Реальная множественность объектов находит отражение в названиях горных хребтов, архипелагов, несомненно — в названиях государств со словом *штаты*. Процесс плюрализации в ИС более формализован и более активен по сравнению с ИН.

Сложение в ономастике имеет длительную историю и свои традиционные модели, отличные от апеллятивных по сочетаемости основ и по истории их создания. Уже в санскрите были известны композитные личные имена. Они классифицированы в работе Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [68] и составляют пять групп. Нам удалось найти славянские аналоги в каждой из этих групп и тем самым показать преемственность в образовании композитных личных имен, хотя эта преемственность и не была непосредственной. Приведем примеры лишь двух групп. 1. Именная основа + именная основа: *Asva-pati* «хозяин лошадей», ср. слав. имя *Домогость*, которое может быть интерпретировано как «гость дома», ср. **db-magostb*. 2. Числительное + имя: *Catur-asva* букв. «четырелошадный», т. е. «имеющий четырех лошадей», ср. русские нестандартные фамилии,

возникшие из прозвищ: *Одноконь* «имеющий одного коня» или *Семизенов* «имеющий семь жен» (остальные группы см. [39]).

Для ранней славянской антропонимии, как известно, композитные образования были очень характерны; они остались частотными у южных и западных славян и в настоящее время. В восточнославянской антропонимии композитные ИЛ единичны, они сохранились отчасти в фамилиях, в украинских прозвищах. В настоящее время у восточных славян многочисленные композиты встречаются в топонимии. Топонимическая система как более молодая по сравнению с антропонимической восприняла сложение, и оно стало для нее продуктивным способом словообразования. Среди праславянских имен известны лишь единичные топонимы-компози́та, например, **beloveža*, **ĭytokiŭgъ* [69], а в современной топонимии их десятки тысяч. Однако новейшие из них, типа *Зеленоград*, *Птицеград*, хотя структурно сходны, например, с древними *Староградъ*, *Бѣлоозеро*, но, в отличие от своих топонимических прообразов, были образованы не на синтаксическом, а на морфологическом уровне (они никогда не были словосочетаниями **Зеленый город*, **Птичий город*, в то время как *Новъ городъ*, *Новъ тѣрѣжъ* возникли как словосочетания).

Для выяснения специфики сложения в топонимии следует разграничить а) сложения, возникшие на апеллятивной стадии, например, с. *Дровосеки*, д. *Косогор*; б) сложения, возникшие на антропонимной стадии, например, *Доброславль*, *Милонезъ*; в) сложения, возникшие в топонимии, например, *Новосиль*, *Сухолом*, *Кривоточка*, *Краснодуб*, *Пустолесов*.

Формально сложное слово, или компози́та, в нарицательной лексике не отличается от сложных ИС, если не считать, что в ономастике в сложение входят иные основы в иной их комбинации. Однако если для ИН-сложных слов характерно «...соединительное значение, сводящееся к объединению значений, составляющих сложную основу мотивирующих основ в одно целостное сложное значение» [65, с. 139], то в компози́тных ИС значение целого не равно сумме значений их основ. Эта неравнозначность сумме значений компонентов происходит из-за десемантизации: «Если компоненты сложных названий рассматривать как значимые, семантика их налицо. Десемантизация происходит не в момент образования топонима и не в момент онимизации апеллятива, а в процессе употребления, как следствие этой онимизации, как воздействие системы имен» [48, с. 102]. Антропонимы-компози́та в зависимости от своего «возраста» в разной мере сохраняют мотивировку сочетания основ: чем старше антропоним, тем менее ясна мотивировка, например, *Домажиръ*, *Добровитъ*, *Воимеръ*. В топонимах, мотивированность более ощутима, например, г. *Новоторгъ*, г. *Стародубъ*.

Соположение, или несобственное сложение,— способ, сейчас малопродуктивный в ономастике. Имена-юкстапозита тождественны по морфемному составу тем словосочетаниям, из которых они возникли, хотя в них может иногда в процессе функционирования добавляться флексия и даже суффикс; флексия конечного слова может отпадать. Имена-юкстапозита имеют тенденцию к изменениям всякого рода и в том числе к превращению в компози́та бессуффиксальной или суффиксальной модели. Большая часть имен-юкстапозита относится к древней топонимии и антропонимии, хотя употребляется до сих пор. В истории имен можно наблюдать, как из полусвободного словосочетания рождается цельнооформленный топоним: *Дѣбъ рѣки* - *Дѣбъречно*, *Бѣль городъ* —> *Бѣльгородъ*.

Можно выделить несколько структурных типов юкстапозита на основании характера синтаксической связи между компонентами с учетом части речи и даже лексемы первого компонента:

1) атрибутивный тип (характер связи — определение), первым компонентом служит прилагательное, реже местоимение; оба слова при соположении имеют форму номинатива, например, *Белавежа* <- *Бела вежа*, *Вицагоща* <- *Вица(вся)гоща*, *Добрыгоры*. Возможно, что к атрибутивному типу могут быть отнесены различные ПС, имеющие в качеств. е. первого компонента глагольную ф^рму с флексией, омонимичной флексии повелительного наклонения, которые могут быть интерпретированы как определения второго компонента, синтаксически выраженные условно, например, теоним *Дажбог* или *Дажд^ббог* «дающий бог», украинская фамилия *Переоридорога* «переоравший (перепашавший) дорогу», проз. *Пролей-Брага* «проливший брагу», топоним *Гуляйгородок*, омонимичный ИН *гуляй-городок* «подвижная на колесах вежа, башня для подступа под город», т. е. «гуляющий (подвижной) городок». Поздние искусственные названия *Кинь-Грусть*, *Пронеси-господи* и т. п. включают настоящую императивную форму и к этому типу не относятся;

2) аппозитивный тип (характер связи — приложение), оба компонента — существительные в номинативной форме, например, *Райгородъ*, *Домлука*;

3) нумеративный тип (характер связи — подчинение), первый компонент — количественное числительное, второй — существительное в форме генитива (в процессе функционирования и приспособления к модели генитивная флексия часто утрачивается или изменяется на номинативную), например, *Трылес* (блр.) <- *Три леса*, *Трилетуха* <- *Три летухи*, *Однолук* *— *Одна лука*. Топонимы и антропонимы этого типа стремятся к переходу в композитные модели: *Шесть снопов* —> *Шестиснопы*, *Семихвост*, *Семижен*, *Семиразжи*;

4) детерминативный тип (конструкция дополнения, в которой первый компонент поясняется вторым), первым компонентом служит лексема *устье*, второй компонент — гидроним в генитивной форме, например, *УстьБѣля* (р. *Бѣля*), *Усть-Волмы* (р. *Волма*), *Усть-Морееа* (р. *Моревка*); названия городов могут получать свой суффикс, утрачивая флексию гидронима: *Усть-Илимск* (р. *Илим*), *Усть-Сысольск* (р. *Сысола*);

5) детерминативно-предложный тип, где первый компонент поясняется вторым и связан с определяемым посредством предлога, например, современные топонимы: г. *Ростов-на-Дону*, г. *Камень-на-Оби*; древние также, главным образом, относятся к поселениям: г. *Новгородок на Остере*, д. *Ежевичи на Русской рѣкѣ*, с. *Валуша у моря*; реже — это микро-топонимы: пожня *Отереба на Коритцѣ*.

Аббревиация — сугубо современный процесс создания сокращенных ИС (так же, как и нарицательных), который должен быть подразделен для ИС на инициальный тип, в котором создаются имена-акронимы. Это, как правило, — названия государств: *СССР*, *США*, *ФРГ*, *КНР*; республик: *РСФСР*, *БССР*; ИС деловых объединений людей (эргонимы), в том числе учреждений и предприятий, организаций, союзов: *ООН*, *МАС* (Международный астрономический союз), *АН* (Академия наук), *МГУ*. Этот тип характерен для ономастики. Другой тип — это имена-аббревиатуры, созданные из сочетания начальных, произвольно взятых частей слов, входящих в аббревированное словосочетание. В ономастике имена-аббревиатуры типичны для «новых» искусственно созданных личных имен: *Рената* (революция, наука, труд), *Реимир* (революция мира), *Гертруда* (героиня труда). Некоторые из этих имен омонимичны «западным» именам. Из комбинации элементов ИН и ИС созданы многие эргонимы: *Дальстрой* (Дальневосточное строительство), *Уралмаш* (Ураль-

ский машиностроительный завод). В топонимии известны комбинированные имена: *Долина МГГ* (Международного географического года). Оказационально в речи создаются аббревиатурованные имена из имени и отчества: *НикНик* {Николай. Николаевич}, *НикВас* (Николай Васильевич), *МакМак* (Макар Макарович). Имена-акронимы в соответствии с литературной нормой не склоняются; имена-аббревиатуры ведут себя как обычные ИС соответствующей модели и склоняются. Полная форма личных имен-акронимов, типа *КИМ*, и имен-аббревиатур многим говорящим неизвестна.

Усечение — процесс изменения формы ИС, заключающийся в отпадении корневой или вспомогательной морфемы, а также начальных слога, буквы и/или финали. Этот процесс особенно характерен для антропонимии. В результате его действия создаются имена-гипокористики: *Валя* в.м. *Валентин!* *Валентина*, *Коля* в.м. *Николай*, *Слава* в.м. *Вячеслав*. Процесс утраты корневой морфемы известен уже в древних композитных ИЛ у славян (с дополнительной суффиксацией или без нее): *Гостята* в.м. *Милогость* или *Гостомысль*, *Радъ* в.м. *Радомъръ* или *Радонъгъ*. Известны случаи искусственного усечения начального слога или буквы в фамилиях: *Лицын* в.м. *Голицын*, *Супов* в.м. *Юсупов*, которое происходило с аристократическими фамилиями для незаконнорожденных детей, которые признавались своими отцами. Фамилия становилась иной, но в ней «присутствовало» родственная связь для посвященных.

Эллиптирование — процесс опущения при функционировании в речи одного слова из дву- или многословного ИС: *Великая река* - ^ *Великая, Архангельский городок* —> *Архангельск*, *Нижний Новгород* —* *Нижний, Большой театр* —> *Большой*. Одновременно с эллиптированием происходит и субстантивация, так как в большинстве случаев в словосочетании отпадает определяемое слово. Иногда эллиптирование сопровождается усечением флексии (как в случае с *Архангельском*). То же самое происходит при опущении одного из компонентов именования человека: *Петрович* или *Николай* в.м. *Николай Петрович*. В результате процессов усечения и эллиптирования вместо полного имени функционирует в речи его часть; в некоторых случаях эта часть закрепляется в официальном написании.

Процесс образования ИС часто есть процесс изменения ИС: словосочетание становится юктапозита или композита, первичное имя получает суффикс и/или префикс, происходит усечение первоначальной формы имени или его эллипсис, словосочетание превращается в имя-акроним или аббревиурованное имя.

Говоря об ономастическом словообразовании, хотелось бы вспомнить некоторые мысли А. А. Реформатского: «...у словообразовательных моделей нет той обязательности, которой обладают „алфавиты” фонем и словоизменяемых форм», а также: «словообразовательные парадигмы» таят в себе родственное и похожее с системами парадигм склонения и спряжения [70]. В ономастическом словообразовании модели еще более «свободны», имя может создаваться по готовой модели, допускающей варьирование в речи. Основным критерием словообразовательного членения ИС является наличие в нем «первичной основы», т. е. исходной неизводной основы, равной корневой морфеме. Эта первичная основа — основа апеллятива, ставшая онимической основой. Ей противопоставлен аффикс/аффиксы. Доказательством того, что первично апеллятивная основа становится онимической, служит ее частотность в именах того или иного класса ИС и разная валентность по отношению к аффиксам у апеллятивов и у топонимов/антропонимов. Эта валентность у онимов значительно больше, чем у соответствующей апеллятивной основы.

Первичная основа может быть общей для словообразовательных парадигм разных классов ИС. Словообразовательная парадигма ИС — это набор производных от одной первичной производящей основы; ряд открытый; точно установленная мотивированность производных факультативна. В словообразовательной парадигме ИС каждая единица — это самостоятельно существующее ИС, само способное к словообразованию.

Сопоставление парадигм различных классов имен, топонимов, антропонимов, теонимов, мифонимов и т. д. с одной и той же корневой морфемой показывает их различную валентность в отношении к словообразовательным формантам, с одной стороны, а с другой, — при одинаковых формантах — различие в их значении, что создает омонимию ИС в разных классах, например, фамилия *Бобровский* и название поселка *Бобровский*, с. *Бородино* и о-ва *Бородино* (в Тихом океане), р. *Медведка* и дер. *Медведка*. Кроме сопоставления парадигм с одной корневой морфемой в различных классах имен сопоставительный анализ может быть осуществлен и с апеллятивной парадигмой. В отличие от онимической парадигмы парадигма ИН — это закрытый ряд. Такая парадигма может быть построена на именах существительных и прилагательных, однокоренных с онимами, реже она строится на глагольной основе отдельно от имени, например, на основе таких глаголов, как *бежати/бегати*, *бити*, *быти*, *варити*, *витати*, *горети*, *дати*, *ждати*, *жити*, *звонити*, *никнути*, *течи*, *ходити*, которые актуальны для образования ИС у восточных славян.

В ономастической и апеллятивной парадигмах с идентичной основой многие производные единицы не совпадают, а при совпадении словообразовательной формы мы можем говорить лишь об их омонимии. Имеются случаи полностью самостоятельного ономастического словообразования л о сравнению с апеллятивным, например, сопоставление парадигм с основой *рад-* старорусских антропонимов (30 единиц), топонимов (34 единицы) и ИН (13 единиц) показывает лишь два совпадения форм в антропонимах и апеллятивах: *радъ* (краткая форма от *радиш*) — *Радъ*; *радостный* — *Радостный*. В топонимах и апеллятивах совпадение форм отсутствует. Если принять во внимание, что материал неполон, то даже в этом случае своеобразие и несходность ономастического словообразования с апеллятивным очевидна (см. соответствующие парадигмы [39, с. 143]). В антропонимной парадигме с основой *Рад-* было обнаружено 18 суффиксов, не считая вариантов, отсутствующих в ИН с этой основой, что свидетельствует не только о различии в словообразовании, но и о значительно более высокой валентности этой основы в антропонимии. Совпадения в антропонимной и топонимной суффиксации минимальны, их даже нельзя назвать совпадениями, это топонимные, вторичные образования от антропонимов, например, ИЛ *Радомъ* — топонимы *Радомль* и *Радомле*.

Итак, сопоставление словообразовательных парадигм антропонимов, топонимов, онимов других классов с апеллятивной парадигмой той же корневой морфемы обнаруживает следующие результаты: 1) различия в наборе словообразовательных морфем; 2) различие семантики имен при идентичной словообразовательной модели в разных классах имен; 3) различие в последовательности образования форм в антропонимной, топонимной и апеллятивной парадигмах. Последнее дает возможность строить парадигмы на историческом материале различных эпох, включая и современные формы.

К словообразовательному анализу принято подходить с позиций синхронии, однако в ономастике, особенно в топонимии, все функционирующие имена представляют комплекс разновременных единиц номинации.

В топонимии действует механизм «аккумуляции», который позволяет накопить эти разновременные имена, делает возможным использование древних топонимов сегодня и использование древних моделей, которые могут наполняться содержательно иной языковой материей. Правда, это естественное развитие и накопление в топонимии было в значительной мере нарушено для Восточной Славии массовыми переименованиями. При исследовании ономообразования диахронический подход представляется более целесообразным. Хотя допустимо и синхронное изучение, и целый ряд работ построен на синхронии. Диахронии соответствует и предлагаемое поморфемное членение в словообразовательной парадигме, которое позволяет рассматривать любую единицу парадигмы в историческом ракурсе.

Исследование ономастического словообразования в различных его аспектах ставит вопрос и о возможности создания ономастического словообразовательного словаря Восточной Славии с максимальным использованием типовых, а также нетиповых основ, на которых строятся парадигмы. Такой словарь должен вскрыть многообразие ономообразовательных структур и показать, как они создавались и создаются. Кроме того, он позволил бы провести стратиграфическую классификацию массового антропонимного и топонимного материала. Параллельные срезы антропонимов и топонимов по векам должны дать ясную картину соотношения этих двух основных классов имен и возможность проследить характер словообразовательных моделей для каждой эпохи. Такая попытка на русском ойконимическом материале была сделана Ст. Роспондом [44, с. 60—88]. Эта идея стратиграфического членения ИС по векам заслуживает не только внимания, но и продолжения.

Разные языки могут отличаться друг от друга в зависимости от того, насколько система ономастического словообразования отличается от системы апеллятивного словообразования. При точной фиксации этого отношения станет возможным установление степени ономастического своеобразия в словообразовательном плане данного языка, что составит предмет словообразовательного раздела ономастической грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Топоров В. Н.* Из истории теоретической топонимстики // ВЯ. 1962. № 6. С. 11.
2. *Азарх Ю. С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
3. *Азарх Ю. С.* Данные ономастики как источник исторической диалектологии // Общеславянский ономастический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981.
4. *Везенко А. Т.* Префиксно-бессуффиксные образования в ойконимии восточных славян // Тыпадопя і узамадзненне славянскх моу і літаратур. Мшск, 1973.
5. *Брыля М. В.* Аб узамадзненш антрапамічных і тапамічных асноу // Пытанш беларускай тапамішк Мшск, 1970.
6. *Брыля М. В., Лемцюгова В. Я.* Анамастычныя словаутваральвыя элементы ва "сходне- і заходнеславянских мовах. Мшск, 1973.
7. *Брыля Э. К.* Тапошмы Гомельнычны з суфіксамі ~Ічы(-ычы), -ыцы, -овІчы(-евычы), -авІчы, -шІчы II з жыцця роднага слова. Лексшалапчны збортк. Мшск, 1968.
8. *Брыля Э. К.* Тапошмы Гомельнычны з суфіксами -оука/-аука, -еука/еукал Пытант беларускай тапамішк. Мшск, 1970.
9. *Борек Г.* Восточнославянские топонимы с формантом -ън II Восточнославянская ономастика. М., 1972.
10. *Бучко Д. Г.* Топотми на Чеш, -ишиц утворет вгдособових имен // Питания словотвору схднслов'янских мов: Мат-ли мжвуз. респ. наук. конф. Київ, 1969.
11. *Вархал С.* Славянские асабштыя назвы з суфіксамі -ула, -ул II Анамастыка. Т. 16. Вып. 1—2. Вроцлаг; Варшава; Кракоу; Гданьск, 1971.

12. *Воробьева И. А.* О словообразовательном анализе славянских топонимов // Тр. Томск. гос. ун-та. 1968. Т. 197.
13. *Воробьева И. А.* Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.
14. *Гориниц Н. Г.* Типы гидронимов центральных областей Московской Руси XIV—XVI вв. // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986.
15. *Гумецька Л. Л.* Ономастичний формант *-ят* в українськ01 мові // Слов'янське мовознавство. 1962. Т. 4.
16. *Емельянов В. М.* Асонуны словаутваральныя тыпы мшратапатм Брэстчыны // Беларус. мова і Літ. у ВНУ: Тези докл. навук-метад. канф. Брест, 1971.
17. *Железняк І. М.* Ареальне вивчення слов'янських антропощт з уаченням другим компонентом композита // Мовознавство. 1972. № 2.
18. *Железняк И. М.* Среднеднепровское правобережье и этногенез славян: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1988.
19. *Карпенко Ю. А.* Словообразование названий населенных пунктов в памятнике конца XIV в. // Научный ежегодник Черновицкого гос. ун-та за 1959 г. Отдел. вып. Филолог., ф-т. Черновцы, 1960.
20. *Карпенко Ю. А.* Давньоруська основа словотвору українськ01 топонимши // Питання історичного розвитку українськ01 мови. Хартв, 1962.
21. *Карпенко Ю. А.* Діахротичний словотворчий аналіз топонимши // Тези допов. XXI наук. сесії Чернівецького держ. ун-ту. Секція филологічних наук. Чернівці, 1965.
22. *Карпенко Ю. А.* Становление восточнославянской топонимии: (Закономерности словообразования) // Вопросы географии. 1966. № 70.
23. *Карпенко Ю. А.* Параметры ономастической типологии (на восточнославянском материале) // Типология і взаємалезяння славянсьмх мов і літератур. Мшск, 1973.
24. *Карпенко Ю. А.* Типология топонимических композитов // Вопросы ономастики. Кн. 2. Самарканд, 1975.
25. *КасіМ Г. Ю.* Композити в історії східнослов'янськ01 то по ними // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Кшв, 1986.
26. *Керста Р. Й.* Українська антропонимши XVI ст. Чолов'чї Іменування. КНІВ, 1984 (гл. «Способи і засоби ідентифіації особи»).
27. *Ковалик І. І.* Словотвір особових Імен в українськ01 мові (здрібніло-пестлив! утворення) // Територіальні діалекти і власні назви. КНІВ, 1965.
28. *Корпанова А. П.* Негацішш топоними України-архаїчний структурно-семантичний тип // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986.
29. *Купчинский О. А.* Изменения словообразовательной структуры микропонимии / Вопросы географии. 1966. № 70.
30. *Купчинский О. А.* Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
31. *Купчинський О. А.* Наидавішіі слов'янсьш топоними України як джерело історико-географічних досліджень (Географічні назви на *-ичі*). Київ, 1981.
32. *Лемтюгова В. П.* Антропонимия как источник образования ойконимии // Вопросы балтийской и славянской антропонимии: Материалы межреспубликанской конференции. Шауляй, 1970.
33. *Лемтюгова В. П.* Беларуская айкашм'я: Лінгвістычны аналіз назвау населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1970.
34. *Муромцев І. В.* Словотворчі типи підросливі (Басейн Сіверського Дінца). Кшв, 1966.
35. *Отин Е. С.* Взаимодействие русского и украинского языков в гидронимии Юго-Восточной Украины (названия с суффиксом *-енк* и смыслового ряда *lupinus*) // Русский язык в его связях с украинским и древнеславянскими языками. Симферополь, 1973.
36. *Отин Е. С.* Різні типи патронімічного вирівнювання слів в апелятивній та ономастичній лексиці // Мовознавство. 1973. № 2.
37. *Отин Е. С.* Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979.
38. *Подольская Н. В.* Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977.
39. *Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.
40. *Подольская Н. В.* Префиксация в древнерусских и современных антропонимах и топонимах // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Кшв, 1986.

41. Редько Ю. К. Словотвір українських при́звін у порівнянті з росшськими та білоруськими // Питання словотвору східнослов'янських мов. Київ, 1969.
42. Роспонд С. Перспективи розвитку славянської ономастики // ВЯ. 1962. № 4.
43. Роспонд С. Структура і класифікація древнє восточнославянських антропонімів (Імена) // ВЯ. 1965. № 3.
44. Роспонд С. Структура і стратиграфія древнерусських топонімів // Восточнославянська ономастика. М., 1972.
45. Роспонд С. Miscellanea onomastica Rossica // Восточнославянська ономастика. Матеріали та дослідження. М., 1979.
46. Рубцова З. В. Белорусский ареал топонимов с финалью *-ын* II Аспекты лингвистического анализа. М., 1974.
47. Рубцова Э. В. Топонимическая финаль-тьк на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
48. Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969.
49. Сухомлин І. Д. Російсько-українсько-білорусько паралелі в атропнімі та явищах мовної штерференції // Говори і ономастика Наддніпрянщини. Дніпропетровськ, 1970.
50. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
51. Толстая С. М. Об одном типе конверсии в славянских языках (флексивная деривация) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
52. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
53. Шуба П. П. Службовые элементы у белоруской тапаніміі // Питанні беларускай тапаніміі. Мінск, 1970.
54. Шуба П. П. Словотворча структура групи швеннобілоруських топонімів // Питання ономастики: Матеріали 2-й республіканської наради з питань ономастики. Кшв., 1965.
55. Balić M. Formanty *-anь, -anja, -unь, -ища* w języku ukraińskim // Slavia orientalis. 1969. № 1.
56. Karas M. Nazwy miejscowe typu *Podgora, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.
57. Kurylowicz J. La position linguistique du nom propre // Onomastica. 1956. II. 1.
58. Respond S. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich. nazw geograficznych. Wrocław, 1957.
59. Smilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970.
60. Zwoliński P. Substantywyzacja sufiksalna przymiotników w językach słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. II: Językoznawstwo. Warszawa, 1963.
61. Unbegaun B. O. Russian surnames. Oxford, 1972.
62. Dickenmann E. Ober russische Personennamen, die auf Zahlworten zurückgehen // Beiträge zur Namenforschung. NF. 1975. Bd 10.
63. Кнанныа М. Проект методологического подхода к сравнительному изучению словообразования в славянских языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
64. Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
65. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
66. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // ИЯШ. 1953. № 5.
67. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
68. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960.
69. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1. М., 1974; Вып. 5. М., 1978.
70. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 120.